

В ОДИНОЧКУ ИДТИ – КРАЙНЯЯ МЕРА

Четверть века... Много это или мало? Для человека – в основном треть жизни, для истории человечества – ничтожная песчинка. Для воинов-афганцев, для которых, по счастью, не пробил смертный час в чужой войне, двадцать пять лет после вывода советских войск из Афганистана – огромный срок. Они по-другому вели счет времени – на секунды, на минуты. До сих пор испытывают тревожное чувство без автомата на плече. Много лет спустя, идя по берегу водоема, инстинктивно опасались ступить на песок. Многим из них война поломала и психику, и жизнь. Для политиков эта война была «выполнением интернационального долга страной». Для солдат – выполнением воинского долга, приказов.

Многие из афганцев не хотят рассказывать о пережитом. Вот что заметил мне один из них: «Я выполнял долг. Восхвалять себя не хочу, сказать правду – не могу». Для нас, мирных людей, чье поколение так или иначе было затронуто войной, на которой воевали, гибли сыновья, мужья, одноклассники, друзья, важно знать и помнить о тех, кто воевал, о тех, кто отдал свои жизни, выполняя солдатский долг.

Перевал Саланг известен всем, кто воевал в Афгане. Именно через него проходила та единственная шоссейная дорога, которая напрямую соединяла Афганистан с Советским Союзом. Еще ее называли «афганской дорогой жизни». Она являлась важнейшей жизненной артерией в экономике Афганистана. Построенный советскими специалистами в горах Гиндукуш в 1964 году тоннель Саланг до 1973 года являлся самым высоким автодорожным тоннелем в мире. Находился на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря. Движение здесь было односторонним – один день с севера на юг, другой – с юга на север. Случись в туннеле затор – быть большой беде. Через Саланг прошли все воинские части, вошедшие в Демократическую Республику Афганистан в ночь с 3 на 4 января 1980 года.

Именно сюда и попал нынешний майор запаса, а в тот далекий июнь 1986 года молодой лейтенант Леонид Кедыс. О карьере военного он и не мечтал. Ушел в 1980 году в армию, служил в ремонтно-восстановительном батальоне в Германии. Как-то секретарь парторганизации предложил ему поехать на двухмесячные сборы. Понравилось. Поэтому, когда предложили поступать в Новосибирское высшее общевойсковое военно-политическое училище, Леонид не отказался. Его зачислили кандидатом в курсанты и дали дослужить в армии. Четыре года учебы прошли незаметно, потом – направление на службу в Литву. Все преподаватели в училище и

командиры прошли через горячие точки в Афгане. Туда же стремился и Леонид, несмотря на то, что были жена Жанна и маленькая дочурка Иринка. Он знал, на что шел, выбирая стезю военного. Да и стажировка в горнострелковом полку в Киргизии вблизи озера Иссык-Куль не прошла для него бесследно. Наконец рапорт о направлении его на службу в Афганистан был удовлетворен, и Леонид попал в 108-ю Невельскую Краснознаменную мотострелковую дивизию, известную своим славным боевым путем еще в годы Великой Отечественной войны.

Леонид был направлен замполитом в 3-й горнострелковый батальон 177-го мотострелкового полка. В батальоне в то время служили и земляки Леонида – Михаил Новиков и Иван Полубинский из Серковицкого сельсовета. В 9-й горнострелковой роте под «политической» опекой лейтенанта Кедыса находилось 110 человек, из них 9 офицеров и прапорщиков. Условия службы были непростыми. Ему в наследство досталась так называемая «мусульманская» рота из числа уроженцев среднеазиатских республик и северного Кавказа. Характеры солдат формировались сообразно национальным обычаям. Позднее рота пополнялась солдатами других национальностей. Постоянные стрессовые ситуации сказывались и на взаимоотношениях офицеров. «Необстрелянный» новичок на деле доказывал, что оценка работы политработника «закрыл рот – и рабочее место убрано» к нему отношения не имеет. Нес тяготы службы наравне с солдатами. Экипировка солдата достигала 40 килограммов – вода, еда, боекомплект для врагов. Отдельно в кармане – несколько патронов и граната. Для себя, на всякий случай. Минировал местность, снимал мины. Крепкий, накачанный парень, бывало, и кулаками доказывал свою правоту перед боевыми офицерами. В мужской среде это оценивалось высоко. Настаивал, чтобы солдаты осваивали смежные специальности, могли заменить при случае друг друга. А такие случаи были нередкими – выбывали из строя из-за ранений, гибели. Именно тогда Леонид понял цену жизни.

На 7-ю, 8-ю и 9-ю горнострелковые роты возлагалась боевая задача – охрана тоннеля от душманов. Панджшерское ущелье и перевал Саланг контролировались важнейшим полевым командиром Ахмад Шах Масудом, который учился вместе с командиром 108-й дивизии генерал-полковником В. М. Барынькиным. Наши солдаты перенимали от противника партизанский способ войны: устраивали засады, минировали места предполагаемых мест диверсий, о которых сообщали жители кишлаков в обмен на продукты, одежду... Леонид вспоминает:

– Отношения с местным населением у нас были своеобразными. Они жили родоклановой общиной. Мужчины из кишлаков были в отрядах душманов. Поэтому жители знали, когда и где будет организована засада или устроена диверсия. Мы за несколько дней тоже устраивали засады в предполагаемых местах диверсий. Наш сторожевой пост «Эдельвейс» по 2–3 месяца нес службу высоко в горах, на пике в 3890 метров. Как-то раз наш батальон накрыло лавиной. Навскидку определили, что снега было около 40 тысяч кубометров. Мы изучали тактику ведения войны в горах на примере подразделения «Эдельвейс» вермахта. Бывало, что из еды оставались минтай в консервах, сечка и заварка чая без сахара. Я по своей должности налаживал и поддерживал связи со старейшинами кишлаков. Мне в кишлаках дали кличку Муллашурави. Бывало, что в кишлаках брали в долг еду, в основном фрукты и зелень мешками. Потом возвращали долг с процентами. Сообщали, когда будем раздавать бакшиш, то есть подарки. Это была старая солдатская форма, особо ценились местными жителями суконные шинели. Детям давали конфеты. Вот такие были торговые отношения по неписаным законам войны.

Но война есть война. Душманы точно также среди населения собирали сведения о нас, как и мы о них. Многие афганские командиры обучались в военных учебных заведениях Советского Союза и полученные знания с успехом применяли на практике. Нападали на наши колонны. Тогда уничтожали кишлаки, вблизи которых это происходило. После выстрела дымового снаряда, который являлся сигналом, его жители выходили к нам за пределы кишлака. А потом в ход вступали артиллерия и авиация. Кишлак стирали с лица земли боевыми снарядами. Но через несколько недель он вновь отстраивался. Ведь основное имущество жителей находилось под землей, испещренной подземными ходами. Они, кстати, были заминированы, на проволоках висели гранаты.

Жилища часто приходилось обыскивать, не прятались ли там душманы. Солдаты постоянно находились настороже. Несмотря на казалось бы благожелательное отношение жителей, ожидать следовало худшего. Бывало, гибли и от беспечности, невнимания. Мы верили только в автоматы и надежных друзей. Останься один – считай, что пропал. В подземных ходах находили иностранное оружие, японские телевизоры. В этой войне были заинтересованы иностранные державы, особенно американцы.

Наше вооружение было качественным, к нам поступали новые разработки оружия. Мы его испытывали в бою. Приходилось приспособлять к горным условиям. За уничтожение нашей боевой техники душманы предлагали немалые деньги. К примеру, за БТР – от тысячи до трех тысяч долларов, за танк – до пяти тысяч, оплата за уничтоженный вертолет доходила до десяти тысяч. Враги многих из нас, офицеров, как говорится, знали «в лицо». Брат Ахмад Шаха Масуда мне предлагал перейти на сторону врага. Он говорил еще в 1987 году, что Советского Союза скоро не будет. Мол, что тебя здесь удерживает? Денег заработаешь, и семью твою перевезем в любую страну по выбору. Но даже и мысли не могло быть об измене. В Советском Союзе, надо отметить, и дисциплина в армии, и идеологическая подготовка были на высоте. В Афгане я отслужил два года. В 1988 году награжден был орденом Красной Звезды. Правда, к награде меня представляли тринадцать раз. Но что-то не складывалось. Самое худшее обошло меня стороной. Я верю, что от смерти меня уберегла иконка Богородицы, подаренная бабушкой, и ее молитвы. В июне этого же года я вернулся на родину.

В период распада Советского Союза происходило сокращение численности Вооруженных Сил. Попал под эту кампанию и Леонид Николаевич Кедыс. С Дальнего Востока он вернулся в наш район. Дослуживал до пенсии уже в милиции. Сейчас работает охранником на Кохановском трубном заводе «Белтрубпласт». Имеет возможность больше времени уделять своей семье, любимой внучке Сабине. А ночью, как признался Леонид, он воюет. Вместе с погибшими и оставшимися в живых боевыми товарищами. Ищет лихорадочно рукой автомат и... просыпается с гулко бьющимся сердцем. И облегченно вздыхает – это сон, всего лишь сон.

9 мая прошлого года в Москве, на Поклонной горе, собрались ветераны 108-й Невельской дивизии. Помянули 3001 погибшего в Афганистане бойца. Со своими «мусульманами» Леонид до сих поддерживает связь через интернет. Для них война тоже продолжается. У некоторых – в жизни, у кого-то во сне.

М. Хмельюк